

**ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ:
ПРОЕКТЫ И ПУТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

Понятие «демократия» сегодня является одним из наиболее употребительных, причем не только в кругах политических деятелей, ученых-обществоведов, публицистов, но и в обыденных, повседневных разговорах, приобретая самые разные значения и оттенки. По справедливому замечанию М. В. Ильина: «...Словом *демократия* обозначаются и некий политический принцип, и особый тип власти, и система правления, и разновидность политического режима, и определенная политическая культура, и, наконец, довольно неоднородный идеологический комплекс, даже некая мировоззренческая установка и жизненный стиль»¹. В последние годы к этим интерпретациям добавилось словосочетание «электронная демократия», которое так же не имеет однозначного толкования и применяется в качестве характеристики самых разнообразных видов и проявлений социально-политической деятельности и активности, так или иначе предполагающих использование новейших информационных технологий, включая Интернет.

В современном обществоведческом контексте понятие демократии, дословно означающее «народовластие», «власть народа» (от греческих *demos* — народ, *kratos* — власть, правление), наиболее часто употребляется в двух значениях. В широком смысле с ним соотносится форма устройства и функционирования любой организации, основанная на принципах равноправия входящих в нее лиц, принятия решений большинством голосов, периодической выборности и подотчетности органов управления и избравшему их общему собранию, конференции, съезду данной организации, — именно в таком значении

¹ Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. — М., 1997. С. 317.

говорится, например, о производственной, профсоюзной, внутрипартийной демократии. В более узком смысле этим понятием обозначается форма политической самоорганизации общества, не только основанная на признании народного суверенитета, или воли большинства народа в качестве источника государственной власти, но и соответствующая таким общепризнанным критериям, как конституционность правительства (*constitutional*), народовластие (*popular*), подотчетность (*accountability*), эффективность (*effectiveness*), открытость (*openness*), адекватная реакция на внешнюю среду, или восприимчивость (*responsiveness*), соответствие процессуальным нормам (*due process*), разделение властей (*separation of powers*)¹.

Очевидно, что применение современных информационных технологий, в том числе и сетевых, представляется уже не только возможным, но и необходимым в рамках проектирования различных видов деятельности, которые соотносятся с демократией, понимаемой как в широком, так и в узком смыслах. При этом и в первом, и во втором случае перенос политическими акторами части своей коммуникационной деятельности в Интернет-пространство способствует формированию принципиально нового типа *интерактивной* политической коммуникации, динамика развития которого существенным образом трансформирует устоявшиеся представления о формах и механизмах участия в политике.

Применительно к электронной демократии, понимаемой в широком смысле, речь может идти, например, об использовании Интернет-коммуникации в деятельности политических партий. Это способно привести не только к значительному снижению издержек на передачу информации от руководящих органов к местным отделениям и обратно, но и к существенному повышению роли первичных организаций и рядовых членов во внутрипартийной жизни, расширению возможностей их участия в формировании политики партии, в частности, через публичное обсуждение проектов принимаемых решений в режиме реального времени. Интернет-форумы, имеющие в силу своей интерактивности и оперативности очевидное преимущество перед традиционными пе-

¹ См.: Мишелетти М. Государственное управление в демократическом обществе. — СПб., 1998. С. 8–9.

чатными изданиями, следует рассматривать в качестве эффективного средства обеспечения обратной связи и прямого диалога партий со своими сторонниками, особенно в периоды подготовки и проведения избирательных кампаний.

Впервые концептуальная модель «сетевой партии», или «киберпартии», ориентированной в своей практической работе на использование коммуникационного потенциала Интернета, была выдвинута британской исследовательницей Х. Маргеттс в 2001 г.¹ На сегодняшний день она частично реализована в деятельности политических партий и их конфедеративных объединений, действующих в рамках Европейского Союза². На наш взгляд, дальнейшее развитие сетевых механизмов внутрипартийного взаимодействия позволит партиям в относительно недалеком будущем отказаться от традиционной формы проведения конференций и съездов, когда вместо привычной пространственно-временной локализации делегатов для обсуждения и принятия соответствующих решений будет использоваться интерактивная коммуникация представителей партийных отделений, «отдаленных» друг от друга в пространственном отношении.

Электронная демократия в более узком значении соотносится с проектированием, развитием и совершенствованием механизмов взаимодействия органов публичной власти и общества в сетевой среде, что делает власть более мобильной и доступной для населения, а у граждан появляются новые возможности конвенционального участия в политике. При этом следует иметь в виду, что в демократических государствах, как подчеркивает Ю.А. Нисневич, «для взаимодействия власти и общества, кроме основного электорального механизма, власть широко использует механизмы связи с общественностью и предоставления информационных услуг населению, а общество — механизмы законодательно регламентированного лоббирования».

¹ См.: Margetts H. The Cyber Party: Paper to workshop 'The Causes and Consequences of Organisational Innovation in European Political Parties', ECPR Joint Sessions of Workshops, Grenoble, 6–11 April 2001 // Government on the Web: Publications. — Mode of access: http://www.governmentontheweb.org/sites/governmentontheweb.org/files/Cyber_party_paper.pdf.

² О европейском опыте проектирования сетевых партийных структур подробнее см. главу 9 настоящего издания.

ния и публичного выражения общественного мнения (публичной политики)»¹. Опираясь на данный тезис, можно утверждать, что *проект инфраструктуры электронной демократии* должен включать в себя *систему электронного голосования и интерфейс взаимодействия органов власти с населением и институтами гражданского общества*, способный обеспечить как предоставление государственных и муниципальных услуг, так и возможности для конвенционального участия граждан и общественных объединений в обсуждении и выработке политических решений.

Разработка систем электронного голосования, начавшаяся в последнее десятилетие XX в., была обусловлена стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, распространением доступа граждан к Интернету и сопровождалась ростом надежд на дальнейшее укрепление демократии. Как отмечает в этой связи Н. Керстинг: «Интернет в состоянии обеспечить и более высокий уровень прозрачности, и новые способы политической коммуникации. Выдвигалась также идея использовать его для проведения выборов и референдумов. Предполагалось, что интерактивные выборы способны сделать электоральный процесс более простым и дешевым, а подсчет голосов — более быстрым и достоверным. Снижение затрат, как ожидалось, могло бы также придать новый импульс развитию инструментов прямой демократии»².

Существующие системы электронного голосования предполагают как непосредственное применение Интернет-технологий для учета волеизъявления граждан (Интернет-голосование), так и использование специальных устройств, получивших название «электронных урн».

Интернет-голосование рассчитано на дистанционное участие избирателей в выборах и референдумах. Вместо голосования на избирательном участке граждане для своего волеизъявления могут воспользоваться либо специальными компьютерами, которые установлены в кабинках для голосования, оборудованных в общественных местах — библиотеках, школах или торговых центрах, либо обычным компьютером дома или на работе, имеющим подключение к Интернету. Соединившись по

¹ Нисневич Ю.А. Информация и власть. — М., 2000. С. 103–104.

² Керстинг Н. Электронное голосование и демократия в Европе // Политическая наука. — 2007. — № 4. — С. 123–124.

сети с сервером территориальной или региональной избирательной комиссии и пройдя процедуру электронной аутентификации, голосующий вместо того, чтобы отметить имя кандидата в обычном бумажном бюллетене, просто нажимает нужные кнопки на клавиатуре компьютера.

Несмотря на то, что впервые эксперимент по Интернет-голосованию был проведен в 2000 г. в США, в штате Орегон¹, подобный опыт пока не получил широкого распространения в силу целого ряда причин. Во-первых, существующие системы передачи информации по каналам Всемирной Сети весьма далеки от технического совершенства и слишком уязвимы с точки зрения потенциальных компьютерных сбоев и атак хакеров. Во-вторых, серьезным доводом против введения Интернет-голосования служит «цифровое неравенство»: дискриминация лиц преклонного возраста, у которых отсутствуют навыки обращения с современными компьютерами, а также малоимущих граждан, не имеющих доступа к Интернету дома или на рабочем месте, противоречит принципу всеобщего и равного избирательного права. И, наконец, главным аргументом, сдерживающим внедрение данной технологии, является несоблюдение принципа тайны волеизъявления и фактическое превращение голосования в поименное: процедура электронной аутентификации избирателя посредством использования цифровой подписи, отпечатков пальцев или смарт-карты с индивидуальным кодом-паролем позволяет достаточно легко идентифицировать личность конкретного гражданина, проголосовавшего тем или иным образом за какого-либо кандидата или по вопросу, вынесенному на референдум. Поэтому Интернет-голосование пока не выходит за рамки пилотных проектов в отдельных странах и продолжает оставаться предметом дискуссий как в политическом, так и в экспертном сообществе.

Более привлекательным, хотя также небесспорным видится вариант использования для голосования на выборах органов власти и референдумах так называемых «электронных урн», которые могут работать без постоянного

¹ См.: Litan R.E. Law and Policy in the Age of Internet // Duke Law Journal. — 2001. — Vol. 50. — № 4. — P. 1047.

подключения к коммуникационной инфраструктуре, что особенно актуально для России и целого ряда других государств, где избирательные участки подчас расположены в малонаселенной местности или на территориях с ограниченным доступом к телефонным линиям и отсутствием оптоволоконного соединения с Интернетом.

В данном отношении заслуживает внимания опыт Бразилии – крупного федеративного государства, сопоставимого с Россией по количеству граждан, обладающих активным избирательным правом. Система голосования с использованием «электронных урн» внедрялась там постепенно: в 1996 г. она прошла успешную апробацию на муниципальных выборах в 57 городах, к октябрю 2000 г. стала применяться на выборах муниципалитетов по всей территории страны, а 6 октября 2002 г. была использована на первых в мире электронных общенациональных выборах главы государства, за ходом которых наблюдали представители США, Японии, Мексики, Венесуэлы и международной организации Transparency International, подтвердившие, что процедура голосования исключала возможность каких-либо подтасовок и злоупотреблений.

По свидетельству исследователя-стажера международной программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» Э. Вердеросы¹, для того, чтобы отдать на этих выборах свой голос, избиратель должен был вначале набрать на клавиатуре «электронной урны», представляющей собой устройство размером с обычный кассовый аппарат, определенный код, соответствующий тому или иному кандидату (например, фавориту той президентской кампании – представителю левой оппозиции Луису Инасио Лула да Сильве был присвоен код «13»). Затем требовалось набрать последовательную комбинацию из 25 цифр, после чего на экран «электронной урны» выводилась цифровая фотография выбранного кандидата и предложение подтвердить свой выбор или изменить его. После закрытия избирательных участков в условиях строгого контроля со стороны на-

¹ См.: *Вердероса Э.* Электронные выборы в Бразилии // Государственное управление в переходных экономиках: Ежеквартальное издание программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» / Институт открытого общества. – 2003, зима. – С. 22–23.

блюдателей из «электронных урн» извлекались магнитные карты с записанными на них результатами голосования, которые перевозились в ближайшую региональную избирательную комиссию, откуда по каналам телефонной и спутниковой связи данные направлялись в национальную верховную избирательную комиссию. Такая технология позволила, с одной стороны, избежать злоупотреблений и человеческих ошибок, которые сопровождают ручной подсчет голосов, а с другой – существенно снизить затраты времени, необходимого для обработки результатов голосования: в течение четырех часов верховная избирательная комиссия обработала 70 %, а к концу ночи после выборов – уже 90 % от общего количества всех поданных голосов. Несмотря на опасения, что безопасность избирательного процесса могла быть обеспечена в недостаточной мере, верховная избирательная комиссия объявила об отсутствии фактов подтасовок, а международные наблюдатели отметили пользу электронного голосования в деле обеспечения скорости и надежности выборов: из использованных на всей территории Бразилии 406 тыс. «электронных урн» по причине технических неисправностей в день выборов пришлось заменить только 3546, причем результаты голосования не были признаны лишь на 111 из них.

Успешное применение технологий «электронного голосования», отразившееся в сравнительном отсутствии технических проблем при проведении общенациональных выборов, является большим достижением для Бразилии как развивающегося государства с большой численностью населения. Однако тем, кто намерен перенять данный опыт, необходимо иметь в виду и специфику бразильского избирательного законодательства, согласно которому участие в выборах грамотных граждан в возрасте от 18 до 70 лет является обязательным. В государствах, где формирование органов власти осуществляется на основе добровольного волеизъявления граждан (к числу таких государств относится и Россия), длинные очереди избирателей, наблюдавшиеся в ряде крупных городов Бразилии и вызванные как доскональностью процедуры голосования, так и большей по сравнению с обычной ее продолжительностью, могут подтолкнуть значительное число граждан попросту отказаться от участия в выборах. Вместе с тем предположения о том, что любые ини-

циативы, связанные с проведением «электронных выборов» и тем более — с изготовлением дополнительного оборудования, потребуют привлечения значительных средств из государственного бюджета, представляются по меньшей мере спорными. Так, согласно данным, приводимым Э. Вердеросой, стоимость одной «электронной урны» в Бразилии составляла 400 долл.; к тому же, поскольку система «электронного голосования» вводилась в стране постепенно, на протяжении шести лет, для проведения общенациональных выборов главы государства непосредственно к октябрю 2002 г. потребовалось изготовить только 51 тыс. дополнительных аппаратов¹. Это свидетельствует о том, что с учетом средней величины общих бюджетных расходов на проведение избирательных кампаний общенационального, регионального и местного уровней аналогичная или подобная система «электронного голосования» вполне может быть внедрена как в промышленно развитых, так и в развивающихся государствах при условии ее поэтапного введения в течение двух-трех электоральных циклов.

Сторонники внедрения систем «электронного голосования» небезосновательно утверждают, что использование новейших технологий способствует повышению электоральной активности, вызывая у избирателей, прежде всего у молодежи, дополнительный интерес. В то же время, по справедливому мнению критиков подобных проектов, использование «электронных урн» отнюдь не исключает возможности разного рода подтасовок и искажений результатов голосования вследствие вмешательства «заинтересованных лиц» в процесс разработки как самого оборудования, так и его программного обеспечения, подпадающих в целом ряде государств под действие законов о защите интеллектуальной собственности. Это означает, что даже при наличии множества претензий к работе системы «электронных урн» государственные контролирующие органы могут изучить ее внутреннее устройство либо подвергнуть анализу программное обеспечение, являющиеся собственностью фирм-

¹ См.: *Вердероса Э.* Электронные выборы в Бразилии // Государственное управление в переходных экономиках: Ежеквартальное издание программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» / Институт открытого общества. — 2003, зима. — С. 23.

разработчиков, только при наличии соответствующего судебного решения, добиться которого, как показывает, по крайней мере, практика США, оказывается далеко не так просто. Что же касается фактов, вызывающих немало сомнений в результатах «электронного голосования», то в этой связи заслуживает внимания опубликованная в 2004 г. книга американской журналистки Б. Харрис «Выборы с «черным ящиком»: подделка результатов голосования в XXI веке», где собрано более ста официально зафиксированных случаев подобного рода. Одним из наиболее впечатляющих, на наш взгляд, стал в этом отношении инцидент, имевший место в ноябре 2002 г. на выборах в штате Техас, где в трех округах победившие кандидаты — представители Республиканской партии опередили своих конкурентов-демократов на совершенно одинаковое количество голосов — 18 181¹. Однако для того, чтобы опротестовать подобные результаты в судебном порядке, необходимо было бы иметь какие-либо веские доказательства, например, бумажные бюллетени, а поскольку использование таких документов система голосования не предусматривала, то с формально-юридической точки зрения любые утверждения относительно фальсификации подсчета голосов, очевидно, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Указанного недостатка лишены системы электронного голосования, разработанные отечественными специалистами. Они основаны на принципе сканирования бумажных избирательных бюллетеней, использование которых дает возможность провести в случае необходимости ручной пересчет голосов. Впервые единичные образцы сканеров избирательных бюллетеней (СИБ) были апробированы на выборах Президента Российской Федерации в 1996 г. Первым практическим применением оборудования, получившего название «Комплекс обработки избирательных бюллетеней» (КОИБ), в качестве официального инструмента для подсчета голосов стало его использование на избирательных участках Республики Башкортостан при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва и Президента Республики

¹ *Harris B.* Black Box Voting: Ballot Tampering in the 21st Century. — Renton, WA, 2004. P. 20.

Башкортостан 7 декабря 2003 г.¹ В настоящее время используется усовершенствованная модель комплекса, получившая название КОИБ-2010.

Управление работой комплексов на избирательных участках в день голосования осуществляется операторами, которые являются членами соответствующих участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса и предварительно прошли курс обучения правилам эксплуатации и обслуживания оборудования в сервисном центре, обеспечивающем по поручению Центризбиркома использование КОИБов. В необходимых случаях операторы имеют право консультировать граждан по порядку ввода бюллетеней в «электронную урну». Избирательные бюллетени опускаются в нее через лоток сканера строго по одному, лицевой стороной вниз для сохранения тайны голосования, узкой стороной вперед и в расправленном виде, их нельзя складывать и заминать. Возврат бюллетеней происходит в трех случаях: при вводе сложенного бюллетеня, при вводе бюллетеня под углом больше допустимого или же со значительным смещением в сторону (не по направляющим лотка сканера), а также при попытке одновременного ввода двух или более бюллетеней. Показания счетчика, позволяющие любому избирателю оценить явку на своем участке на момент собственного голосования, при возврате бюллетеней не изменяются. Бюллетени, признанные распознающим устройством КОИБ недействительными – не содержащие отметок избирателя, либо содержащие количество отметок больше установленного их числа (при голосовании по партийным спискам и одномандатным округам – более одной, а при голосовании по многомандатным округам – превышающее количество мандатов), либо содержащие отметку избирателя в квадрате напротив фамилии выбывшего кандидата – не возвращаются и маркируются внутри «электронной урны» перфорацией (проколами либо дорожками просечек) в верхней или

¹ См.: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 ноября 2003 г. № 56/508-4 «Об утверждении Инструкции о порядке использования технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва и Президента Республики Башкортостан 7 декабря 2003 года» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – 2003. – № 22.

нижней части бюллетеня, в зависимости от того, какой стороной избиратель опустил бюллетень в сканер.

Данные по результатам голосования передаются от КОИБов в вышестоящую избирательную комиссию по телекоммуникационным сетям системы ГАС «Выборы» и на контрольной флеш-карте. Утвержденный режим использования комплексов полностью исключает возможность отслеживать ход голосования по конкретным кандидатам в течение дня и передавать в вышестоящую избирательную комиссию такого рода данные до того момента, пока участковая избирательная комиссия не получит распечатку итогового протокола КОИБ.

Представляется вполне обоснованным мнение о том, что применение КОИБов повышает не только скорость, но и точность подсчета голосов, исключая ошибки, обусловленные влиянием человеческого фактора при ручной обработке бюллетеней членами участковых избирательных комиссий. Но, как свидетельствуют специалисты, при использовании данных комплексов возникают ошибки иного плана: сканер «электронной урны» не всегда распознает недостаточно четкие отметки избирателей и, напротив, может принять за отметку типографский брак в бюллетене; тем не менее, практика показывает, что расхождения, выявляемые при ручном пересчете бюллетеней, не выходят за пределы норм, установленных законом¹. Наряду с этим высказываются опасения, что КОИБы могут быть использованы для фальсификации итогов голосования: в частности, предъявляются претензии уже к самому принципу автоматизированного подсчета голосов в силу его непрозрачности, отсутствия открытости для общественного контроля, а также отмечается неспособность сканирующего устройства отличить действительный бюллетень от его черно-белой ксерокопии². Кроме того, обращает на себя внимание и достаточно высокая стоимость оборудования – 55 тыс. руб. за одну «электронную урну» КОИБ-2010³, что

¹ См.: Еремин В.М. О комплексах обработки избирательных бюллетеней / В.М. Еремин // Избирательная комиссия Иркутской области. – 2006. – 17 февраля. – URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/way/1004995/sx/art/1289649/>

² См.: Дулов В. КОИБ – ловкость рук, и никакого мошенничества? // РуГрад.еу: Калининградский городской портал. – 2011. – 24 сентября. – URL: <http://rugrad.eu/communication/blogs/VadimKosuhin/cohiba-sleight-of-hand-and-no-cheating/>

³ См.: Рожкова Н. Выборы стали делом техники // Московские новости. – 2011. – 27 марта. – URL: <http://www.mn.ru/politics/67678>.

при официальном курсе обмена валют на момент начала их выпуска (примерно 29,5 руб. за 1 долл. США) было почти в 4,6 раза больше, чем у бразильской «электронной урны», имеющей, правда, намного более простую конструкцию. Однако в целом есть основания полагать, что по мере дальнейшего технологического совершенствования и увеличения объемов производства надежность работы КОИБов будет увеличиваться, а их себестоимость — снижаться.

Наряду с системой электронного голосования важнейшим компонентом инфраструктуры электронной демократии является интерфейс взаимодействия органов власти с населением и институтами гражданского общества, получивший в современной литературе устойчивое наименование «электронного правительства». По поводу употребления данного словосочетания, представляющего собой прямой перевод «e-Government», следует признать, что оно не вполне корректно, поскольку, как отмечал М.С. Вершинин, в действительности «имеется в виду не только сетевая инфраструктура исполнительной власти, но в целом вся инфраструктура государственной власти и управления»¹. В этой связи, на наш взгляд, применительно к современным российским реалиям было бы более правильно говорить об электронной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления, или *сетевой инфраструктуре институтов публичной власти*, которая бы объединяла в себе технологии информационного взаимодействия между органами власти и гражданами (G2C), органами власти и институтами гражданского общества, включая политические партии, негосударственные и неправительственные организации и иные общественные объединения (G2B), а также между разными государственными и муниципальными учреждениями (G2G) (см. рис. 1). Что касается термина «электронное правительство», то представляется целесообразным соотнести его с одним из компонентов данной инфраструктуры, связанным с деятельностью органов исполнительной власти. Аналогичным образом можно, например, выделить применительно к органам законодательной (представительной) власти компонент «электронный парламент», а на уровне местного самоуправления — подсистему «электронных муниципалитетов».

¹ Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб., 2001. С. 117.

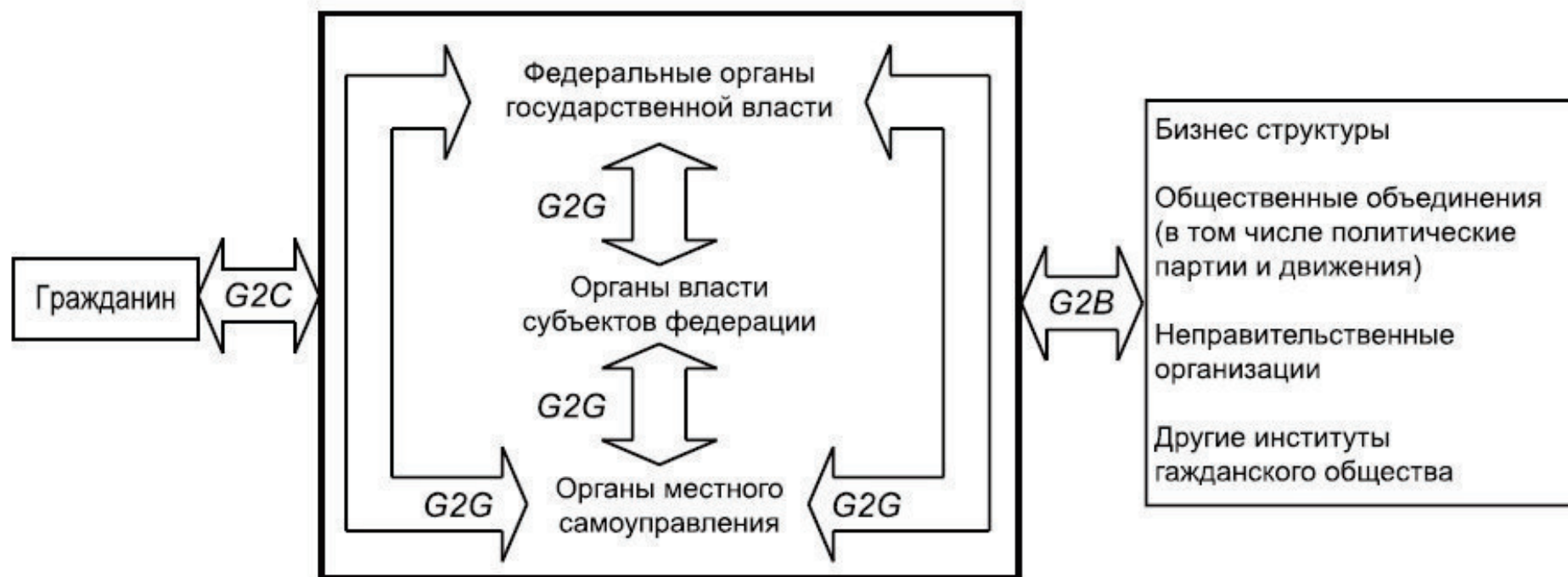

Рис. 1. Сетевая инфраструктура институтов публичной власти

На решение практических задач, связанных с созданием и развитием сетевой инфраструктуры институтов публичной власти, была направлена федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»¹. Однако эффективность ее исполнения оказалась достаточно низкой. Как отмечалось в прессе: «Общий бюджет программы в ценах 2002 г. изначально представлял собой астрономические цифры – 77 млрд руб., в действительности было потрачено тоже немало – около 21 млрд. Большая часть этих вполне реальных денег, видимо, перешла в виртуальное пространство, ибо ни электронный документооборот между государственными органами, ни общение граждан с государственными органами через интернет в полной мере не заработали»². Согласно данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, к концу срока действия федеральной целевой программы Россия занимала достаточно скромные позиции в мировом рейтинге развития «e-Government»: в 2008 г. – 60-е место, в 2010 г. – 59-е, уступая, в частности, таким соседним государствам, как Япония (в 2008 г. – 11-е место, в 2010 г. – 17-е), Финляндия (в 2008 г. – 15-е место, в 2010 г. – 19-е), Эстония (в 2008 г. – 13-е место, в 2010 г. – 20-е), Литва (в 2008 и 2010 гг. – 28-е место), Латвия (в 2008 г. – 36-е место, в 2010 г. – 37-е), Украина (в 2008 г. – 41-е место, в 2010 г. – 54-е)³.

Поскольку уже в 2008 г. стало понятно, что сетевая инфраструктура институтов публичной власти в России развивается значительно медленнее, чем в других странах, приоритетом государственной политики в данной области стало достижение конкретных результатов, связанных с объемом и качеством предоставления услуг гражданам, общественным объединениям и бизнесу посредством использования информационно-коммуникационных сис-

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 531.

² Олейник А. Час икс: Асоциальная сеть // Ведомости. – 2010. – 30 ноября. – URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/11/30/asocialnaya_set.

³ См.: United Nations E-Government Survey 2010: Leveraging e-Government at a Time of Financial and Economic Crisis. – New York, 2010. – P. 69, 72. – URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2010-Survey/Complete-survey.pdf>.

тем и технологий. Это нашло свое отражение в принятии Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года¹, внесении изменений в федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002–2010 годы)», направленных на реализацию данной Концепции², и определении этапов перехода на предоставление государственных услуг (функций) в электронном виде³. Дальнейшая реализация проекта по созданию сетевой инфраструктуры институтов публичной власти связана с выполнением государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)»⁴.

Важным достижением в рамках осуществления данного проекта стало создание Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) Российской Федерации «Госуслуги», первая версия которого была официально открыта в декабре 2009 г. Данный портал представляет собой сетевой интерфейс федеральной государственной информационной системы, обеспечивающий:

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2372.

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.09.2009 № 721 «О внесении изменений в федеральную целевую программу “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 38. – Ст. 4476.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.12.2009 № 1993-р «Об утверждении сводного перечня первоочередных государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 52. – Ч. 2. – Ст. 6626.

⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 46. – Ст. 6026; Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18. – Ч. 2. – Ст. 2159; Постановление Правительства Российской Федерации от 21.02.2015 № 157 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 9. – Ст. 1341.

– доступ физических и юридических лиц к сведениям о государственных и муниципальных услугах, государственных функциях по контролю и надзору, об услугах государственных и муниципальных учреждений, а также других организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг, размещенных в федеральной государственной информационной системе, обеспечивающей ведение реестра государственных услуг в электронной форме;

– предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг, услуг государственных и муниципальных учреждений и других организаций, в которых размещается государственное или муниципальное задание (заказ), в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации и высшими исполнительными органами государственной власти субъекта Российской Федерации;

– учет обращений граждан, связанных с функционированием портала, в том числе возможность для заявителей оставить отзыв о качестве предоставления государственной или муниципальной услуги в электронной форме¹.

Информация на портале сгруппирована по четырем категориям – для физических лиц, для предпринимателей, для иностранных граждан, для юридических лиц. Кроме этого, пользователи имеют возможность поиска интересующих данных по ведомствам, предоставляющим ту или иную услугу, по категориям, а также по жизненным ситуациям. Отдельно выделяются популярные, или наиболее востребованные услуги.

Согласно данным Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в последнее время отмечается значительный рост количества услуг, заказанных пользователями через портал: за первые десять месяцев 2015 г. федеральные услуги в электронном виде были заказаны 24,3 млн раз против 12,3 млн за аналогичный период 2014 г., количество заказанных региональных услуг возросло по сравнению с тем же периодом на 274 % – с 213 тыс. до 799 тыс., муниципальные

¹ См.: О Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) // Портал государственных услуг Российской Федерации: Справочные материалы. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/pgu/cms/content/isr/view/00000000000/290/309>.

услуги продемонстрировали рост на 63 % – с 296 тыс. до 482 тыс. Самыми востребованными услугами стали проверка штрафов ГИБДД за нарушения правил дорожного движения, налоговой задолженности, наличия исполнительных производств в Федеральной службе судебных приставов, а также оформление загранпаспорта и информирование о состоянии лицевых счетов в системе пенсионного страхования¹.

В настоящее время в сетевой инфраструктуре институтов публичной власти наряду с Единым порталом государственных и муниципальных услуг функционируют следующие элементы:

– Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), к которой подключены информационные системы всех организаций, участвующих в предоставлении государственных услуг;

– Национальная платформа распределенной обработки данных (НПРОД), которая благодаря использованию «облачных» технологий предоставления пользователям компьютерных мощностей и программного обеспечения в качестве услуги с помощью Интернета позволяет оптимизировать расходы на информационное обеспечение органов государственной власти и повысить уровень информатизации органов местного самоуправления;

– Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), обеспечивающая санкционированный доступ должностных лиц органов власти и граждан-заявителей к информации, содержащейся в государственных и иных информационных системах;

– Информационная система головного удостоверяющего центра, работа которой нацелена на повышение эффективности государственного управления и качества оказания государственных услуг за счет формирования единого пространства доверия электронной подписи.

Наглядным свидетельством достижений в области формирования сетевой инфраструктуры институтов публичной власти в последние годы стало существенное повышение позиции страны в мировом рейтинге развития «e-Government»: по сравнению с 2010 г. Россия в 2012 г.

¹ Подведены предварительные итоги работы Единого портала госуслуг в 2015 году // Минкомсвязь России: События. – 2015. – 18 нояб. – URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34308/>

поднялась с 59-го на 27-е место, сохранив за собой этот показатель и в 2014 г.¹

Следует, однако, отметить, что в рамках проекта электронной демократии данная инфраструктура помимо предоставления государственных и муниципальных услуг должна также обеспечивать и расширение возможностей для конвенционального участия граждан и общественных объединений в управлении государственными и общественными делами на всех уровнях власти и на протяжении всего цикла подготовки и принятия политических решений. По существу, речь идет о необходимости создания *сетевого механизма публичной политики* как инструмента информационного взаимодействия гражданского общества с органами власти, которое предполагает свободное обсуждение проектов законодательных актов, предложений и других инициатив, касающихся различных аспектов текущей и перспективной политики, и тем самым способствует повышению степени общественного доверия к деятельности государства и институтов местного самоуправления.

В современных государствах, а зачастую и в местных сообществах, где властно-управленческие функции в соответствии с принципами представительной демократии делегируются различным выборным органам, у людей нередко возникает чувство отчуждения от решений, затрагивающих непосредственную жизнь отдельно взятого человека, вследствие невозможности оказать влияние на процесс их выработки и принятия. Одним из перспективных способов преодоления такого отчуждения видится соединение возможностей сетевых технологий с механизмами делиберативной, или «совещательной» демократии, делающих акцент на роли общественных дискуссий в формировании общей основы для понимания существующих проблем и дальнейшего достижения политического консенсуса. Сущность данного подхода, как отмечает Ш. Муфф, «заключается в том, что, благодаря соответствующим процедурам обсуждения, можно достичь такого согласия, которое отвечало бы требованиям как рациональности (понимаемой как защита либераль-

¹ United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want / Department of Economic and Social Affairs. — New York, 2014. — P. 31 — URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf.

ных прав), так и демократической легитимности (представленной народным суверенитетом)»¹.

Интересно отметить, что понятие «делиберация» не является очередным терминологическим заимствованием последних лет: оно присутствует в «Словаре русского языка XVIII века», в котором буквально истолковывается как «рассуждение, обсуждение»². В контексте современных исследований данный термин предлагается использовать для обозначения «вдумчивого содержательного и неспешного рассмотрения» индивидами и «формализованных дискуссий и дебатов» в группах³. Можно сказать, что суть делиберации — не только и не столько сама дискуссия, но и ее результат, способный оказать влияние как на выработку, так и на принятие решений, а это предполагает для участников обсуждения возможность не просто слушать, но и быть услышанными. При этом, на наш взгляд, принципиально важно, что делиберация предполагает обогащение мнения индивида и даже его возможную коррекцию или пересмотр после знакомства с позициями других участников дискуссии, и в этом плане она существенно отличается от традиционных дебатов, главная задача которых заключается в том, чтобы отстаивать свою точку зрения через доказательство несостоятельности аргументов оппонента.

Есть основания полагать, что результаты делиберации могут значительно расходиться с данными обычных опросов общественного мнения, в действительности представляющих собой только его «поверхностный срез». Как известно, Дж. Гэллап, осмысливая свой успех в использовании опроса в ходе президентских выборов в США в 1936 г., оптимистически утверждал, что нашел путь для осуществления серьезной реформы, способной распространить демократию небольшого городского собрания на общегосударственные масштабы. Опрос виделся ему воплощением политического равенства в том плане, что он статистически представлял мнение

¹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. — 2004. — № 2 (42). — С. 182.

² Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. — Л., 1991 [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/05/sl608407.htm>.

³ Дэвис Т., Чэндлер Р. Дизайн онлайн-делиберации: выбор, критерии и эмпирические данные // Политическая наука. — 2013. — № 1. — С. 84.

всего электората, и одновременно в том, что предпочтения каждого человека учитывались одинаково. При этом Гэллуп также полагал, что использование опроса, по сути, будет способствовать делиберации: когда газеты и радио представляют взгляды конкурирующих политиков, а общественность отвечает на вопросы, высказывая свои продуманные и взвешенные суждения, получается так, как будто все население буквально «находилось бы в одной большой комнате»¹. Действительность, однако, оказалось иной: массовые опросы представляли собой статистику суждений недостаточно информированных и разобщенных индивидов, каждый из которых, имея только один голос, мог легко убедиться, что его отдельно взятое мнение не будет иметь существенного значения ни для каких общественно значимых решений, и поэтому, в соответствии с принципом «рационального неведения» (*rationaly ignorant*), предложенным Э. Даунсом, не видел смысла тратить время и усилия на то, чтобы стать более информированным².

Изучению возможностей преодоления «рационального неведения» путем развертывания общественных дискуссий посвящена серия экспериментов, проводимых с середины 90-х гг. Центром делиберативной демократии при Департаменте коммуникации Стэнфордского университета под руководством Дж. Фишкина. Разработанная им методика «делиберативного опроса» представляет собой делиберацию в небольших дискуссионных группах, участники которых отбираются посредством случайной выборки из базы данных переписи населения, для проведения консультаций с общественностью по вопросам государственной политики. Каждый эксперимент преследует цель получить представление о том, каковы будут суждения общественности по тому или иному вопросу в условиях лучшего информирования и возможности взвешенного и обдуманного обмена мнениями.

Первоначально эксперименты проводились в формате «лицом к лицу». После предварительного собеседования и анонимного анкетирования участники приглаша-

¹ Подробнее см.: *Gallup G. Public Opinion in a Democracy.* — Princeton, 1939.

² Подробнее см.: *Downs A. An Economic Theory of Democracy.* — New York: Harper and Row, 1957.

лись на «делиберативный уикэнд», получали тщательно сбалансированные и выверенные информационные материалы, обеспечивающие первоначальную основу для развертывания диалога, случайным образом распределялись по малым дискуссионным группам, возглавляемым подготовленными модераторами, и в ходе обсуждения заинтересовывались тем, чтобы в дальнейшем задавать на больших пленарных заседаниях вопросы экспертам и политикам, представляющим различные точки зрения. Задача модераторов состояла в том, чтобы создать в группах такую атмосферу, когда все участники обсуждения внимательно слушают друг друга и никто из них не пытается доминировать над остальными. В конце «делиберативного уикэнда» участники заполняли такую же анонимную анкету, что и при первой встрече. Как отмечает Дж. Фишкин, анализируя данные «делиберативных опросов», проводившихся по различной тематике, в результате делиберации могут существенно измениться до двух третей первоначальных точек зрения¹.

Очевидно, что проведение крупномасштабных «делиберативных опросов» требует существенных ресурсных затрат, включая расходы на транспорт и проживание в отелях участников эксперимента, число которых обычно составляет несколько сотен человек. Кроме того, «делиберативный уикэнд» вынуждает его участников отказываться от отдыха в выходные дни, что создает для организаторов дополнительные практические трудности, поскольку отказ респондентов, попавших в случайную выборку, от участия в эксперименте, сказывается на валидности получаемых результатов. В данном отношении представляется оправданным использовать возможности современных информационно-коммуникационных технологий, и прежде всего Интернета, для проведения «делиберативных опросов» в онлайн-режиме, позволяющем респондентам, пространственно отдаленным друг от друга, общаться между собой, а также получать и пересылать необходимую аудиовизуальную информацию, причем делать это тогда, когда потребуется. Вполне закономерно, что в последние десять лет стала стремительно развиваться совокупность различных видов практиче-

¹ *Fishkin J.S. Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy // Online Deliberation: Design, Research, and Practice / Eds.: T. Davies, S. P. Gangadharan.* — Stanford CA, 2009. P. 27.

ской деятельности, научных исследований и разработок программного обеспечения, содействующих обстоятельным, целенаправленным и результативным Интернет-дискуссиям в связи с выработкой и принятием политико-управленческих решений, за которой закрепилось название «онлайн-делиберации». Данная проблематика стала предметом обсуждения регулярно проводимых международных научных конференций¹.

Центр делиберативной демократии проводит полномасштабные эксперименты по онлайн-делиберации с 2002 г. В первых проектах, как и в случае «делиберативного уикэнда», респонденты отбирались посредством случайной выборки из базы данных переписи населения. Тем из них, у кого не было компьютеров, подключенных к Интернету, предоставлялись необходимое оборудование, что, по сути, являлось одним из стимулов для участия в эксперименте. Кроме того, все участники получили микрофоны, чтобы обсуждения проходили в обычном речевом формате, а не посредством набора текста на клавиатуре. Ответив на вопросы анонимной анкеты по обсуждаемой проблематике, респонденты «подключались» на еженедельные онлайн-дискуссии в модерлируемых малых группах продолжительностью около одного часа. Специальное программное обеспечение позволяло отслеживать, кто выступает и кто хочет выступить далее. В ходе дискуссий участники определяли ключевые вопросы, по которым они хотели бы выслушать мнения специалистов, представляющих различные точки зрения. Полученные ответы квалифицированных экспертов распространялись среди всех участников. После нескольких недель обсуждений респондентам предлагалось ответить на вопросы такой же анкеты, что и в начале эксперимента. При этом аналогичный опрос как до начала дискуссий, так и после их завершения, проводился и в отдельной контрольной группе, которая не принимала участие в обсуждениях.

В последующих экспериментах, построенных по такой же схеме, использовался иной принцип отбора участников. Вначале формировалась «настоящая» случайная выборка из всего населения, которая получила название

¹ См.: Online Deliberation Resources. — URL: <http://online-deliberation.net/>.

«целевой». Далее в базе данных пользователей Интернета были найдены респонденты, наиболее «близкие» по своим характеристикам к представленным в «целевой» выборке, при этом степень «близости» определялась по таким демографическим характеристикам, как возраст, раса, пол, образование, семейное положение, а также по доходу. Конечно, с точки зрения методологии, «настоящая» случайная выборка была бы предпочтительнее, однако в нее попадают такие люди, до которых исследователям трудно, а подчас и невозможно добраться, а также те, которые отказываются участвовать в эксперименте. Однако поскольку доступ к Всемирной Сети уже приближается по степени своего распространения к телефону и «цифровой разрыв» постоянно сокращается, использование Интернета может способствовать значительному уменьшению затрат на «делиберативные опросы» так же, как в свое время телефон повлиял на снижение стоимости обычного опроса общественных мнения, а квотная выборка из числа пользователей Сети будет все более приближаться к «настоящей» случайной выборке из всего электората.

Как отмечает Дж. Фишкин: «Пока очевидно, что онлайн-версия «делиберативного опроса» обладает более скромным воздействием, чем та, которая проводится в формате “лицом к лицу”. Вместо напряжения делиберативного уикэнда, который полностью поглощает участников, часовые дискуссии происходят в домашних условиях. В период между сессиями участники находятся под воздействием всех своих повседневных привычек, источников новостей и собеседников. Эти факторы, вероятно, ослабляют результирующее воздействие»¹.

На наш взгляд, более высокие результаты «делиберативного уикэнда», с одной стороны, можно истолковать с позиций проявления «Хоторнского эффекта», когда необычность условий проведения эксперимента и проявление повышенного внимания к его участникам оказали значительное воздействие на поведение и мнения респондентов, вызвав у них ощущение, которое Э. Мэйно назвал «чувством социальности», — потребность ощущать себя «принадлежащими» к определенной группе². С другой стороны, возможно и иное объяснение: оказавшись в

¹ Fishkin J.S. Op. cit. P. 31.

² См.: Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilization. — New York, 1977.

необычной обстановке и в обществе незнакомых людей, участники «делиберативного уикэнда» вели себя в соответствии с концепцией «спирали молчания»¹. Опасаясь быть отвергнутыми своим непосредственным окружением в модерлируемой дискуссионной группе и наблюдая из «страха изоляции» за поведением других, они отмечали для себя, что получает одобрение, а что, напротив, вызывает возражения со стороны большинства, и поэтому были более склонны высказывать такие суждения, которые воспринимались положительно.

Очевидно, что респонденты онлайн-делиберации, находящиеся по сравнению с участниками «делиберативного уикэнда» в более привычной для себя обстановке, оказались менее подверженными воздействию как «Хоторнского эффекта», так и «спирали молчания». Это дает основания полагать, что «более скромные» результаты воздействия сетевой версии «делиберативного опроса», о которых говорит Дж. Фишкин, на деле оказываются ближе к истине. Таким образом, онлайн-делиберация открывает новые возможности для возвращения общества к демократическим ценностям в плане взвешенного и обдуманного участия граждан в привлечении государственными и общественными делами на всех уровнях власти и на протяжении всего цикла подготовки и принятия политико-управленческих решений. Вопрос, однако, заключается в том, в какой степени эти возможности, связанные с необходимостью преодоления «рационального неведения», будут реализованы, поскольку, как справедливо замечает Т. Дэвис, «активность совещательного рода определенно не спешит набирать обороты в Интернете по сравнению с коммуникацией, более ориентированной на развлечения, а также скорее на личные, чем на коллективные потребности»².

Возможности использования технологий электронной демократии привлекают все большее внимание как исследователей-теоретиков, так и специалистов-практиков с точки зрения эволюции принципов и механизмов взаимодействия между институтами публичной

¹ См.: Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. — М., 1996.

² Davies T. The Blossoming Field of Online Deliberation // Online Deliberation: Design, Research, and Practice / Eds.: T. Davies, S. P. Gangadharan. — Stanford, CA., 2009. P. 3.

власти и гражданским обществом. При этом сегодня речь идет уже не столько о необходимости освоения потенциала информационно-коммуникационных технологий всеми участниками политического процесса, сколько о проектировании принципиально нового дизайна организации политического пространства, в формате которого гражданин рассматривается не в роли объекта властно-управленческого воздействия, а в качестве компетентного потребителя государственных и муниципальных услуг, одновременно являющегося полноправным участником процесса принятия решений на местном, региональном, общенациональном, а в перспективе — и на международном уровне.

Литература

Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 5. — Ст. 531.

Постановление Правительства Российской Федерации от 10.09.2009 № 721 «О внесении изменений в федеральную целевую программу “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 38. — Ст. 4476.

Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 18. — Ч. 2. — Ст. 2159.

Постановление Правительства Российской Федерации от 21.02.2015 № 157 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 9. — Ст. 1341.

Постановление Правительства Российской Федерации от 17.06.2015 № 602 «О некоторых мерах по совершенствованию информатизации в сфере кадрового обеспечения государственных органов и органов местного самоуправления» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 26. — Ст. 3896.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 632-р <О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года> [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2372.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.12.2009 № 1993-р <Об утверждении сводного перечня первоочередных государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде> [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 52. – Ч. 2. – Ст. 6626.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 46. – Ст. 6026.

Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 ноября 2003 г. № 56/508-4 «Об утверждении Инструкции о порядке использования технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва и Президента Республики Башкортостан 7 декабря 2003 года» [Текст] // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – 2003. – № 22.

Вердероса, Э. Электронные выборы в Бразилии [Текст] / Э. Вердероса // Государственное управление в переходных экономиках: Ежеквартальное издание программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» / Институт открытого общества. – 2003, зима. – С. 22–23.

Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе [Текст] / М.С. Вершинин. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 252 с.

Дулов, В. КОИБ – ловкость рук, и никакого мошенничества? [Электронный ресурс] / Владимир Дулов // РуГрад. eu: Калининградский городской портал. – 2011. – 24 сентября. – Режим доступа: <http://rugrad.eu/communication/blogs/VadimKosuhin/cohiba-sleight-of-hand-and-no-cheating/>

Дэвис, Т. Дизайн онлайн-делиберации: выбор, критерии и эмпирические данные [Текст] / Т. Дэвис, Р. Чэндлер Р. // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 83–132.

Еремин, В.М. О комплексах обработки избирательных бюллетеней [Электронный ресурс] / В.М. Еремин // Избирательная комиссия Иркутской области. – 2006. – 17 февраля. – Режим доступа: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/way/1004995/sx/art/1289649/>

Ильин, М.В. Слова и смыслы [Текст]: Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 430 с.

Керстинг, Н. Электронное голосование и демократия в Европе [Текст] / Н. Керстинг // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 123–144.

Мишелетти, М. Государственное управление в демократическом обществе [Текст] / Мишель Мишелетти. – СПб.: Петро-РИФ, 1998. – 34 с.

Муфф, Ш. К агонистической модели демократии [Текст] / Шанталь Муфф // Логос. – 2004. – № 2 (42). – С. 180–197.

Нисневич, Ю.А. Информация и власть [Текст] / Ю.А. Нисневич. – М.: Мысль, 2000. – 175 с.

Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение [Текст]: Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. – М.: Прогресс: Весь мир: Академия, 1996. – 351 с.

О Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) [Электронный ресурс] // Портал государственных услуг Российской Федерации: Справочные материалы. – Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru/pgu/cms/content/isr/view/0000000000/290/309>.

Олейник, А. Час икс: Асоциальная сеть [Электронный ресурс] / Антон Олейник // Ведомости. – 2010. – 30 ноября. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/11/30/asocialnaya_set.

Подведены предварительные итоги работы Единого портала госуслуг в 2015 году [Электронный ресурс] // Минкомсвязь России: События. – 2015. – 18 ноября. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34308/>

Рожкова, Н. Выборы стали делом техники [Электронный ресурс] / Наталья Рожкова // Московские новости. – 2011. – 27 марта. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/67678>.

Словарь русского языка XVIII века: Вып. 6 [Электронный ресурс]. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. – 256 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>.

Davies, T. The Blossoming Field of Online Deliberation [Text] / Todd Davies // Online Deliberation: Design, Research, and Practice /

Eds.: T. Davies, S. P. Gangadharan. – Stanford, CA.: Center for the Study of Language and Information, 2009. P. 1–19.

Downs, A. An Economic Theory of Democracy [Text] / Anthony Downs. – New York: Harper and Row, 1957. – 310 p.

Fishkin, J.S. Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy [Text] / James S. Fishkin // Online Deliberation: Design, Research, and Practice / Eds.: T. Davies, S. P. Gangadharan. – Stanford, CA.: Center for the Study of Language and Information, 2009. P. 23–35.

Gallup, G. Public Opinion in a Democracy [Text] / George Gallup. – Princeton: The Stafford Little Lectures, 1939. – 15 p.

Harris, B. Black Box Voting [Text]: Ballot Tampering in the 21st Century / Bev Harris; with David Allen. – Renton, WA: Talion Publishing, 2004. – 232 p.

Litan, R.E. Law and Policy in the Age of Internet [Text] / Robert E. Litan // Duke Law Journal. – 2001. – Vol. 50. – № 4. – P. 1045–1085.

Margetts, H. The Cyber Party [Electronic resource]: Paper to workshop ‘The Causes and Consequences of Organisational Innovation in European Political Parties’, ECPR Joint Sessions of Workshops, Grenoble, 6–11 April 2001 / Helen Margetts // Government on the Web: Publications. – Mode of access: http://www.governmentontheweb.org/sites/governmentontheweb.org/files/Cyber_party_paper.pdf.

Mayo, E. The Human Problems of an Industrial Civilization [Text] / Elton Mayo. – New York: Arno Press, 1977. – 194 p.

Online Deliberation Resources [Electronic resource]. – Mode of access: <http://online-deliberation.net/>.

United Nations E-Government Survey 2010 [Electronic resource]: Leveraging e-Government at a Time of Financial and Economic Crisis / Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2010. – 125 p. – Mode of access: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2010-Survey/Complete-survey.pdf>.

United Nations E-Government Survey 2014 [Electronic resource]: E-Government for the Future We Want / Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2014. – xviii, 263 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf.